

ТУР ВЕНСКОГО ВАЛЬСА

Евгений Голубовский

Начну рассказ о трех сутках в Вене. Даже в таком моментальном взрыве эмоций испытываешь счастье.

Для меня это вторая встреча с Веной.

Лет двадцать тому мы с женой проехали по Дунаю и гуляли по этому великолепному, имперскому, барочному городу.

Подлетая самолетом «Австрийских авиалиний», я знал, что мое открытие Вены вторично, третично, что этот город помнит шаги Моцарта и Штрауса, Гайдна и Бетховена, что тут писал книги Стефан Цвейг и Йозеф Рот, что тут лечил, практиковал Зигмунд Фрейд.

У Вены есть свои любимые художники — Густав Климт и Эгон Шиле. Но мне показалось, что город стал европейской столицей живописи. Реклама выставки Брейгеля заполнила весь мир. На эту выставку прилетают, едут, плывут и получают глубокое погружение в мир художника.

Так что бывают случаи, когда можно порадоваться рекламе.

И вот аэровокзал. Расстояния большие, но предусмотрены не только эскалаторы, связывающие этажи, но и плоские лен-

Потом, через два часа, я буду смотреть Климта. Тоже умершего в 1918 году.

И неожиданная ассоциация.

Оба художника, жившие в одно время, были людьми разных светил.

Шиле — в свете Луны.

Климт — в свете Солнца.

Вспомнил, что у Василия Розанова была книга «Люди лунного света». Размышления о природе сексуальности, о взаимоотношении христианства и сексуальности.

А ведь и Климт, и Шиле жили в пространстве не только мировой войны, но и в пространстве Фрейда, властителя дум тогдашней Вены...

При жизни Эгона Шиле не раз обвиняли в нарушении всех табу. Он со страстью одержимого рисовал обнаженную натуру. Нет секретов. Нет табу. Человек прекрасен таким, какой есть, без грима условностей.

Прошло сто лет. И уже не эпатажны работы Шиле. В них столько нежности к своим худым, измученным жизнью моделям. И виртуозный рисунок. Легкий. Импрессионистический.

Вернувшись в Одессу, а это было в 1995 году, мы во «Всемирных одесских новостях» опубликовали на двух газетных страницах свои путевые впечатления.

Главу о Вене писала Валя.

«Когда длинными вечерами при свете керосиновой лампы, в голодной и холодной послевоенной Одессе мама читала нам вслух Некрасова, а я вслед за ней повторяла наизусть строчки из «Железной дороги»: «Видел я в Вене святого Стефана...», то конечно не могла и пометчать, что через пятьдесят лет окажусь в Вене и увижу один из самых знаменитых готических соборов Европы, и выпадет великое счастье увидеть брейгелевских «Охотников на снегу», — быть может, самый проникновенный пейзаж из всех шедевров мировой живописи...».

Нужно ли объяснять, с каким волнением 4 декабря 2018 года, молча обходя я вместе с Женей Деменком, приехавшим из Праги, собор святого Стефана, разглядывая чудом сохранившиеся фрески, вслушиваясь в звон колоколов.

Современный вид этот величествен-

Моим персональным гидом была Аня, влюбленная в Брейгеля, рассказывающая о каждой картине в своих лекциях.

В который раз повторю: как бы ни были великолепны современные альбомы, наслаждаться живописью можно лишь, когда оказываешься один на один с картиной. Она может оказаться больше или меньше, чем ты предполагал, ярче, насыщенной, тише.

Несколько слов о художнике.

Брейгель не вел дневник, не сохранились его письма, путевые заметки, даже нет завещания. Двое сыновей, ставших художниками, не успели с ним поговорить. Он умер, когда старшему было 4 года. Вскоре умерла и жена.

Не известен год его рождения. Предполагают, что 1525 год. Неизвестно место рождения. Предполагают, что вблизи нидерландского города Бреды. Точно известна дата смерти — 9 сентября 1569 года.

Начинал, как график. Испытал влияние Босха. Этот художник ужасов, адских видений и фантазмагорий настолько увлек его в юности, что несколько его работ он перевел в гравюры.

Два года путешествовал по Италии, Франции, Швейцарии, делал датированные зарисовки, которые потом использует в картинах.

Но тянуло его в Нидерланды, истерзанные, оккупированные, сражающиеся.

Чтобы представить эту эпоху, вспомните замечательную книгу Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель». Пепел Клааса стучал в сердце и Питера Брейгеля.

Он родился в оккупации, умер в оккупации. Как это нам знакомо.

Не писал обнаженных женщин и мужчин, практически не брал заказы на портреты. Его жанр — картина с притчевым сюжетом, уроки морали.

Великий художник. Великий моралист.

Буквально о каждой из 27 картин хотел бы написать. Но умерю свой порыв. Выберу пять картин, которые и сегодня, без репродукций, стоят перед глазами.

«Крестьянин и разоритель гнезд». Перед нами мирный лирический пейзаж. На земле твердо стоит крестьянин. Брейгель любил писать крестьян, не случайно его называли «мужицким».

Почему крестьянин улыбается, что показалось ему смешным? Крестьянин идет прямо на зрителя, показывая нам разорителя гнезд, притаившегося на дереве, но уже падающего с этого дерева. Крестьянин радуется, что тот сейчас упадет и убьется. Но не замечает, что сам стоит на краю пропасти. Нидерландская поговорка звучала так: «Тот, кто знает, где гнездо, имеет знания, а тот, кто грабит, имеет гнездо». У Брейгеля другая логика. И тот, кто грабит, и тот, кто видит и проходит мимо, понесут наказание. Есть Божий суд...

«Вавилонская башня». Дважды этот сюжет привлек художника. Есть более ранняя работа, где громадина Вавилонской башни перекрывает горизонт, заслонила мир.

Вспомните историю. Человечество говорило на одном языке, люди понимали друг друга, мирно и богато жили. Но их обуяла гордыня и они решили построить башню, упирающуюся в небо. И Бог, чтобы люди не смогли завершить башню, дал им разные языки.

Мне кажется, в первой картине Брейгель не осуждает людей. Любуется башней. Может, я не прав. Но через пару лет художник еще раз пишет Вавилонскую башню. Теперь уже есть и фон — цветущий город, и корабли, и счастливые люди. Похоже, здесь еще ярче антитеза божьему замыслу — разрушить башню.

ты, перемещающие тебя вдоль бесконечных указателей. Забавно: слово «Одесса» высвечивается попеременно то с двумя «с», то с одним.

Мне в подарок преподнесла Вену дочь, решив, что до 13 января, дня закрытия выставки, нужно посмотреть Брейгеля.

Я вспомнил о Шиле и Климте. Десятки альбомов с работами этих мастеров я смотрел, но живопись нужно видеть вживе. Никакие альбомы не заменят возможность ощутить энергетику картины.

— В нижнем Бельведере выставка Шиле, в верхнем Бельведере выставка Климта, — нашла в интернете информацию Аня.

И вот мы троим, с нами еще и мой старый друг Юлик Златкис, прилетевший из Москвы для того, чтобы встретиться с нами, и, естественно, с Брейгелем, отправляемся в Бельведер.

Первая выставка — Эгон Шиле. В этом году исполнилось 100 лет, как он покинул наш грешный мир. Ему было всего 28 лет. Но, начав выставлять свои рисунки, живопись в 18 лет, он оставил около трехсот картин и тысячи рисунков.

Это художник, опаленный огнем Первой мировой. Рушился мир. И художники-экспрессионисты уловили разломы жизни, зыбкость правил.

Без Шиле не понять XX век.

А потом встреча с Густавом Климтом. Тоже не долгожитель. Прожил 56 лет. Но в успехе, чаще в благополучии.

Сецессия — это пришло в искусство из Вены. Здесь группа художников, объединившись, для борьбы против академической рутины, образовала новое объединение. И один из самых ярких — Климт. И его волнует эротика, сексуальность. Но в каких богатых интерьерах, я бы сказал, в рубенсовской плоти...

Наиболее интересен — мне — «Золотой период». Это не метафора. Климт вводит позолоту в свою палитру. И картины становятся созвучными Вене, золотому городу.

С именами Шиле и Климта связаны трагедии и драмы. Кстати, Климт был в числе покровителей Шиле, его защитников.

Климт буржуазен, Шиле антибуржуазен. Но это и есть свет луны и свет солнца.

Оставив нехитрую поклажу в апартаментах — сразу на улицы.

Для себя, когда отправлялся в поездку, решил, но не произнес вслух, что посвящу этот тур венского вальса Валентине Голубовской, в память про то, как мы на теплоходе «Дунай» прошли от Черного моря до зеленых Альп.

ный собор приобрел в 1511 году. Пережил две мировые войны.

И я знал, что завершением поездки будет встреча с Брейгелем, в том же музее истории Вены, где побывал когда-то с Валей.

Неплохой вкус был у Габсбургов. В Вене хранятся 12 картин Питера Брейгеля старшего. Это самое крупное собрание его картин в мире. Всего подлинных работ Брейгеля сохранилось очень немного, порядка 45.

К 450-летию со дня его смерти музейщики Вены предприняли, впервые в истории, попытку собрать воедино картины, рисунки, гравюры Брейгеля. Удалось показать 27 картин, две трети существующих. Некоторые музеи не решились взять работы. Тряска в самолетах губительна для старой живописи. Тем более, что Брейгель чаще всего писал на досточках.

И вот мы на выставке.

Это чудо дизайнерской, искусствоведческой работы. Затемненность залов. Но подсвечена каждая работа. В коридорах огромные постеры. Можно еще раз взглянуть в детали. В витринах предметный мир, который фигурирует в картинах. Туфли, игрушки, посуда.

У зрителей в руках гаджеты. Подходя к картине, они слушают на многих языках трактовку сюжетов.

Это любование возможностями тех, кто все равно строит. Не случайно ее называли Башня Брейгеля.

«Охотники на снегу». По недавно выпавшему снегу идут с собаками охотники. Перед ними замечательная долина, на заднем плане — горы в снегу. Безупречный пейзаж. Гармония света и цвета. У зрителя и у меня ощущение, что только в Раю такая красота. И тем не менее, не покидает чувство тревоги. Почему? Из-за чего? И начинаешь замечать, что охотники идут без добычи. Что собаки понуры.

Голод... И уже холодно от этой красоты. Уже вновь думаешь, что что-то нужно исправить в этом мире. Но все равно — гениальный пейзаж, который можно рассматривать часами, как бы втягивающий зрителя в пространство пейзажа.

«Безумная Грета». Фольклорный персонаж: Грета — олицетворение жадности, но одновременно воинственности. Брейгель изображает, как она в порыве безумия штурмует Ад. В каске и доспехах, уродливая, с вытаращенными глазами, она крушит все на своем пути. Пройдут годы, и на устах у всех будет гигантская пушка «Большая Берта». Брейгель подтолкнул и к этим ассоциациями.

Картина вновь, как в молодости, вернула Брейгеля к урокам Босха. На холсте разнообразные мистические существа, выходящие из Ада. Люди в безумной давке погибают. В порыве жадности они пытаются унести как можно больше золота. Не понимая, что перед ними дерьмо гиганта.

Мораль этой картины очевидна: жадность — причина войн, смерти. Это было актуально тогда в Нидерландах. Это актуально и через 450 лет.

Самой любимой работой Брейгеля была для моей жены картина, как оказалось, крошечных размеров — «Две обезьяны».

И вновь символика. Уютно расположились в проеме окна две обезьянки. Они на цепи. В средневековой символике обезьяна — символ греха, низменных инстинктов. То, что они уже на цепи, вроде бы говорит, что грехи обузданы. Но для Брейгеля это вопрос. Да к тому же мы, люди, не на цепи — мы греховны... И об этом напоминает великий моралист.

Нет, не случайно одним из художников, кто восхищался Брейгелем, был Рубенс. Именно он украсил могилу Брейгеля, его памятник своей картиной.

И надо же так — после нескольких часов в затемненных брейгелевских залах мы вышли в зал Рубенса, яркий и светлый, плотский.

У любой медали всегда есть две стороны.

Улетать из Вены не хотелось. Не искать же фонтаны, чтоб бросать монетку. В последний вечер, вернее, уже в ночь, когда мы вернулись из кафе «Моцарт», вспомнили, что в 24 часа в соборе святого Стефана — «Реквием» Моцарта.

Были настолько переполнены Брейгелем, что не пошли.

И решили — а может, это знак.

Еще рано или поздно прилетим в Вену, пойдём в собор и послушаем Моцарта. ♦

Владимир Ханелис, Израэль Спектор

САМАРИТЯНКА ИЗ ГОРОДА ОД...

В начале 20-х годов прошлого века будущий второй президент Государства Израэль Ицхак Бен-Цви беседовал с одним из уважаемых членов очень малочисленной общины самаритян. К тому времени их в Эрец Исраэль осталось 146 человек.

— Почему твои сыновья не женятся? — спросил Ицхак.

— Мы не можем найти им невест...

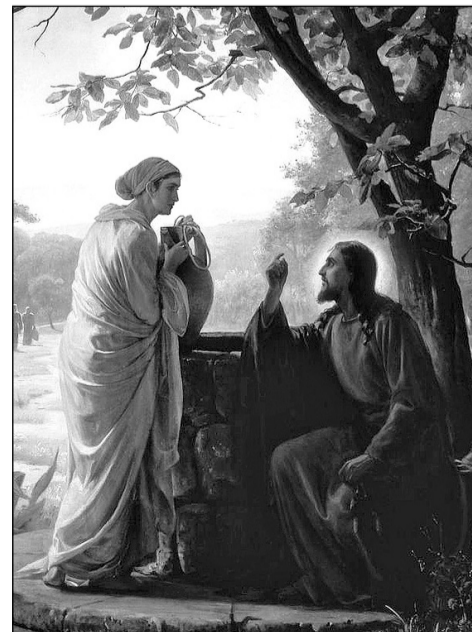
...К этой беседе мы еще вернемся, а пока расскажем читателям, кто же такие самаритяне. Притчу о добром самаритянине, то есть о человеке, бескорыстно помогавшему несчастному и убогому, знают очень многие.

Самаритяне, они называют себя «шомрим аль ха-эмет» («хранители истины»), это религиозно-этническая группа. Согласно своей традиции, самаритяне — часть народа Израэля, хранящая верность его подлинному наследию. Согласно той же традиции, местопребыванием Бога была гора Гризим близ города Шхем (ныне на территории Палестинской автономии). С нее началось сотворение мира, на Гризим жили Адам с Евой и детьми, стоял Храм. Когда большинство народа покинуло гору Гризим, то лишь колена Иосифа, с которым самаритяне себя идентифицируют, остались хранителями истинной веры. Поэтому самаритяне считают себя «настоящими евреями», а всех остальных евреев — «не настоящими».

У самаритян есть Главный коэн. У евреев — нет. Самаритяне не отмечают праздники Пурим, Ханука, не считают Иерусалим и Храмовую гору священными. У них свой календарь, отличающийся от еврейского. На Песах самаритяне приносят жертвоприношения (баранов и ягнят) на горе Гризим. Каждый член общины, включая детей, обязан попробовать кусочек мяса праздничной трапезы.

В Коране говорится, что самаритянин, «человек одного из племен сынов Израэля», подстрекаемый Шайтаном (Иблисом) сотворил кумира — Золотого тельца и пытался сбить евреев с праведного пути. «И Муса (Моше, Моисей. — Авт.) сказал самаритянину: «Выйди из нашей общины и удались прочь от нас...».

На протяжении многих веков, несмотря на взаимную неприязнь и вражду, истории евреев и самаритян тесно переплетались. И евреев, и самаритян преследовали греки, византийцы, персы, крестоносцы, римляне... («Знакомый» всемирный прокуратор Иудеи Понтий Пилат учинил кровавую бойню самаритян, после того, как они собрались на священной горе Гризим.)

Еврейский путешественник Биньямин из Туделы, посетивший Эрец Исраэль в середине XII века, пишет, что в Шхеме насчитывалось 1000 самаритянских семей, в Кейсарии — 200, в Ашкелоне — 300 и в Дамаске — 400.

В период турецкого владычества самаритянские общины вне Шхема прекратили свое существование. Дамасская община была вырезана в XVII веке. В 1842 году турецкие власти обвинили самаритян в безбожии и под страхом смерти приказали им принять ислам. На помощь пришли евреи. Главный раввин Иерусалима А. Гагин официально подтвердил, что самаритяне — ветвь народа Израэля, избавив их от гонений и истребления. В 1854 году британское правительство также вступилось перед турецкими властями за самаритян. Их число в Шхеме тогда составляло меньше 200 человек.

В начале XX века укрепилась связь между еврейским населением Эрец Исраэля и самаритянами, в первую очередь благодаря Ицхаку Бен-Цви, о котором мы упоминали выше.

В 1954 году все самаритяне Израэля были переселены в Холон. Там были построены для них дома, а в 1963 году в этом самаритянском квартале города, Неве-Пинхас, была открыта самаритянская синагога. На самаритян распространяется «Закон о возвращении», поэтому любой самаритянин может переселиться в Израиль.

Израильские самаритяне стали частью страны: они служат в армии, образованны (большинство из них «белые воротнички»).

Палестинские самаритяне интегрируются в арабскую среду, но при этом учатся в самаритянской школе, финансируемой Ватиканом.

Почти каждый самаритянин имеет два имени — еврейское и арабское. В принципе все самаритяне — очень доброжелательный и гостеприимный народ. Но есть и отличия между жителями Неве-Пинхас и Кирьят-Луз — во внешности, в акценте, в знании иврита и арабского, а также в общекультурных ценностях. На последних необходимость ежедневной скрытой конфронтации с арабами из Шхема наложила опеределенный отпечаток, сделав их чуть более агрессивными и менее терпимыми к другим.

Численность самаритян в древнем мире и в первых веках нашей эры колебалась от одного до трех миллионов человек. После многих войн, насильственного обращения в ислам и христианство, а в XX веке в результате близкородственных браков, число самаритян катастрофически уменьшилось. Как мы уже писали, в

начале прошлого века их оставалось 146 человек. В наши дни самаритян больше 800 человек. Число это потихоньку растет благодаря успехам генетического тестирования и, самое главное, — благодаря межнациональным бракам. А теперь вернемся к началу нашего рассказа...

— Почему твои сыновья не женятся? — спросил Ицхак Бен-Цви Авраама ха-Цафари.

— Мы не можем найти им невест.

— Почему они не женятся на еврейках?

— Мы никогда не женились на еврейках.

— Всегда есть первый раз, даже спустя тысячелетия. Ведь евреи и самаритяне — один народ.

У Авраама ха-Цафари было шестеро сыновей. Все в отца — высокие, сильные, красивые парни. Четвертого сына звали Йефет. Однажды, в 1923 году, Йефета по-

знакомили с молодой вдовой, Мирьям. Мирьям тоже жила в Яффе. Йефет и Мирьям полюбили друг друга с первого взгляда и поклялись, что будут вместе. Аврааму будущая невестка тоже очень понравилась. Он стал уговаривать священников (коэнов) оформить этот брак, сыграть свадьбу, приводил цитаты из Торы. Так в 1924 году состоялся, вероятно, первый брак самаритянина с несамаритянской.

... Прошло почти сто лет. Мы едем в гости к самаритянам на гору Гризим, в Кирьят-Луз. Там расположен общинный центр, три ресторана, место, где режут жертвенных баранов и готовят в печах-колдах их туши; интереснейший музей, по которому нас водит пожилой, одетый в традиционные одежды самаритянин. Он и рассказал нам историю любви Йефет и Мирьям, добавив при этом: «Когда наши мужчины брали в жены евреек или мусульманок, прошедших обращение, это часто вызывало недовольство и обиды в их общинах. А женщины со стороны такого недовольства не вызывают. С тех пор, когда была разрешена и женитьба на христианках, перешедших в нашу веру, 23 украинки стали самаритянками, и родили общине больше шестидесяти детей. Они привнесли новую кровь, возродили нас самих, нашу веру, дали нам надежду...».

— А как фамилия, той, первой, еврейки Мирьям, ставшей самаритянкой? Откуда она приехала? — спрашиваем мы у гида.

— Фамилия ее Хайкина. Она приехала из России, из большого, портового города. Из него много евреев приехали в Эрец Исраэль. Этот город называется Од..., Од... — Одесса! — хором подсказываем мы. ♦